

ЗА СУСАНИНА.

Въ разборѣ статьи г. Костомарова: "Личности смутнаго времени", (Вѣстникъ Европы, 1871 г. июнь), мнѣ остается, послѣ Скопина, {См. "Гражданинъ", 1872 г. No 3.} Пожарскаго {См. "Гражданинъ", 1872 г. No 27 и 29.} и Минина {См. "Гражданинъ", 1873 г. No 4.} говорить о Сусанинѣ.

Казалось, смиренный обитатель костромскихъ лѣсовъ, на долю котораго выпалъ славный жребій спасти жизнь вновь избраннаго царя, въ тяжелую эпоху русской исторіи, былъ, послѣ своей мученической кончины отъ руки поляковъ, совершенно уже безопасенъ отъ всякаго навѣта вражія. Нѣтъ, въ наше анархическое время потревожены и его кости.

Какъ могло это случиться? Подвигъ Сусанина засвидѣтельствованъ государственною грамотою, которая, данная чрезъ шесть лѣтъ послѣ событія, дошла до нашего времени въ цѣлости!

Приведемъ ее въ подлинникѣ.

"Божіею милостию, мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Русіи самодержецъ, по нашему Царскому милосердію, а по совѣту и прошенію матери нашей, Государыни великія старицы иноки Марфы Ивановны, пожаловали есмя Костромскаго уѣзда нашего села Домнина крестьянина Богдашка Сабина, за службу къ намъ и за кровь и за терпѣніе тестя его Ивана Сусанина. Какъ мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи въ прошломъ во 121 году были на Костромѣ, и въ поры приходили въ Костромской уѣздѣ Польскіе и Литовскіе люди, а тестя его Богдашкова Ивана Сусанина въ поры Литовскіе люди изымали, и его пытали великими немѣрными пытками; а пытали у него, гдѣ въ поры мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи были. И онъ Иванъ, вѣдая про насъ, Великаго Государя, гдѣ мы въ поры были, *терпя* отъ тѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей *немѣрныя пытки*, про насъ Великаго Государя тѣмъ Польскимъ и Литовскимъ людямъ, гдѣ мы въ тѣ поры были, не сказалъ, и Польскіе и Литовскіе люди *замучили его до смерти*. И мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи пожаловали его Богдашка, за тестя его Ивана Сусанина къ намъ *службу* и за *кровь*, въ Костромскомъ уѣздѣ нашего дворцоваго села Домнина половину деревни Деревнищъ, на чемъ онъ Богдашка нынѣ живетъ, полторы чети, выти земли велѣли обѣлить съ тое полудеревни съ полторы чети выти на немъ на Богдашкѣ и на дѣтяхъ его и на внучатахъ, и на правнучатахъ, нашихъ никакихъ податей, и кормовъ, и подводъ, и наметныхъ всякихъ столовыхъ и хлѣбныхъ запасовъ, и въ городовыя подѣлки, и въ мостовщину и въ иныя ни въ какія подати имать съ нихъ не велѣли, велѣли имъ тое полдеревни во всемъ обѣлить и дѣтямъ имъ и внучатамъ и во весь родъ ихъ неподвижно. А будетъ то наше село Домнино въ которой монастырь и въ отдачѣ будетъ, и тое полдеревни Деревнищъ полторы чети выти земли и ни въ которой монастырь съ тѣмъ селомъ отдавать не велѣли, велѣли по нашему Царскому жалованью, владѣть ему Богдашкѣ Сабину и дѣтямъ его и внучатамъ и правнучатамъ и въ родъ ихъ во вѣки неподвижно. Дана сія наша Царская жалованная грамота на Москвѣ, лѣта 7129 ноября въ 30 день".

Ясно-ли сказано въ грамотѣ, что крестьянинъ Иванъ Сусанинъ въ 1613 году, когда Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ находился "на Костромѣ", былъ захваченъ Польскими и Литовскими людьми, приходившими "въ Костромской уѣздъ"; что они пытали его великими немѣрными пытками, выпрашивая у него, "гдѣ въ тѣ поры былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ"; что онъ, зная о мѣстопробываніи, вытерпѣлъ немѣрныя пытки, и не открылъ его, за что и былъ замученъ до смерти; наконецъ, что "за эту службу и кровь" обѣлена была половина деревни Деревнищъ, на коей жилъ его зять, Богданъ Сабининъ, женатый на его дочери Антонидѣ, въ пользу его дѣтей, внучатъ и правнучатъ "въ родъ ихъ во вѣки вѣковъ неподвижно".

Какое свидѣтельство можетъ быть точнѣе и обстоятельнѣе?

Но нѣтъ ли какого нибудь повода сомнѣваться въ подлинности этой грамоты?

Нѣтъ никакого, и данная чрезъ шесть лѣтъ послѣ событія самимъ спасеннымъ молодымъ царемъ, по просьбѣ его матери, съ которой онъ вмѣстѣ скитался, грамота подтверждена была чрезъ 15 лѣтъ тѣмъ же царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, который отдалъ тогда деревню Деревнищи Новоспасскому монастырю на поминъ души его матери, а въ замѣну отходившей отъ Сабининыхъ земли, пожаловалъ имъ пустошь Коробово въ Костромскомъ уѣздѣ, съ прописаніемъ опять обстоятельствъ своего спасенія и въ новой подтвердительной грамотѣ.

Къ 1641 году относится еще другая подтвердительная грамота, которая, по свидѣтельству самого